

ЛИБЕРТАРИАНСТВО

история
•
принципы
•
политика

ДЭВИД БОУЗ

Дэвид Боуз

Либертарианство. История, принципы, политика

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54963298

Электронное издание на основе печатного издания. Либертарианство.

История, принципы, политика: Социум; 2-е изд. – Челябинск; 2014

ISBN 978-5-91603-666-4

Аннотация

Либертарианство – это политическая философия, выводящая принципы устройства общества из аксиомы самопринадлежности права собственности человека на собственное тело. Исходя из убеждения, что человек сам должен распоряжаться своей жизнью и имуществом и имеет право самостоятельно решать, как ему жить, при условии, что он признает такое же право за другими людьми, либертарианцы отстаивают максимально широкие права личности и требуют сведения роли государства к необходимому минимуму защите жизни и собственности граждан.

Автору удалось в популярной форме представить весь комплекс либертарианских идей в области философии, экономики и права в их историческом развитии. В книгу включены 32 цветные иллюстрации, освещающие основные вехи

развития либертарианской традиции и выделяющие наиболее важные идеи.

Содержание

1	6
Возрождение либертарианства	11
Разочарование в политике	28
Причины политических провалов	32
Базовые политические альтернативы	36
Ключевые идеи либертарианства	40
Левые или правые?	47
Примечание о ярлыках: почему «либертарианцы»?	53
2	62
Предыстория либертарианства	64
Английская революция	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Дэвид Боуз

Либертарианство

История, принципы, политика

Перевод с английского: М. Кислов, А. Куряев

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

© © David Boaz, 1997

© ООО «ИД «Социум», перевод, оформление, 2014

* * *

Грядущая эра либертарианства

В 1995 г. социологи из Института Гэллапа обнаружили: 39 % американцев считают, что «федеральное правительство стало таким большим и могущественным, что представляет собой непосредственную угрозу правам и свободам простых граждан». Социологи не поверили своим глазам и сделали еще одну попытку, убрав слово «непосредственную». С этим утверждением согласились 52 % американцев. В том же году газета «USA Today» поместила на первой полосе материал об американцах, родившихся после бума рождаемости первых послевоенных десятилетий, где говорилось, что «многие из 41-миллионного поколения X...¹ склоняются к старой философии, которая вдруг стала казаться новой, – либертарианству». С этой оценкой, также в репортаже на первой полосе, соглашается «Wall Street Journal»: «Значительная часть настоятельных претензий, предъявляемых сегодня [избира-

¹ *поколение беби-бумеров* – американцы, родившиеся с 1946 по 1964 г. За эти годы в США родилось 78 млн детей, которых делят на старших (1946–1954) и младших (1955–1964) беби-бумеров. *Поколение X* – родившиеся в период между 1965 и 1983 гг. Второй беби-бум – около 1980 г. рождаемость в США начала расти, и с 1989 по 1993 г. впервые с 1960-х гг. в стране ежегодно рождалось более 4 млн детей. К 1997 г. численность детей и подростков до 15 лет достигла 57 млн человек, включая 20 млн детей от 4 до 8 лет.

телями], не являются традиционно республиканскими или даже консервативными. Они либертарианские... Создается впечатление, что, испытывая постоянно растущее презрение к правительству, все больше и больше американцев склоняются – зачастую сами не осознавая того – к философии либертарианства».

В 1995 г. Дэвид Броудер писал в газете «Washington Post» о множестве американцев, заявляющих, что они приветствовали бы появление третьей партии: «Отличительная черта этих потенциальных независимых избирателей – помимо их разочарования вашингтонскими политиками обеих партий – их либертарианская закваска. Они скептически смотрят на демократов, поскольку отождествляют их с большим правительством. Они подозрительно относятся к республиканцам по причине растущего влияния внутри республиканской партии религиозных правых».

Откуда взялся этот внезапный интерес средств массовой информации к либертарианству?

Как заметила «USA Today», либертарианство ставит под вопрос общепринятую точку зрения и отвергает устаревшие идеи этатистов, поэтому очень привлекательно для молодых. Что касается меня самого, то когда, учась в колледже, я впервые открыл для себя идеи либертарианства, мне казалось очевидным, что большинство либертарианцев должны быть молодыми (причем я смутно догадывался, что либертарианские книги, которые я читал, написаны пожилы-

ми людьми). Кто, как не молодой человек, мог разделять столь бескомпромиссное видение личной свободы? Отправившись на свое первое либертарианское мероприятие вне колледжа, я был несколько удивлен, что первому человеку, с которым я столкнулся, было около сорока, а в то время мне это казалось достаточно почтенным возрастом. Прибывшая следом молодая женщина под тридцать больше соответствовала моему представлению о тех, кого я ожидал встретить. Однако ее первым вопросом было: «Вы не видели моих родителей?» Вскоре я узнал, что ее родители, которым шел шестой десяток, были ведущими либертарианскими активистами в штате, и навсегда распрощался со своими ошибочными представлениями о том, какими должны быть люди, становящиеся либертарианцами. Я обнаружил, что родители этой молодой женщины и миллионы американцев, которые сегодня разделяют либертарианские убеждения, являют собой воплощение давней американской традиции личной свободы и оппозиции принуждающему государству.

Либертарианство – это убеждение, что каждый человек имеет право жить так, как хочет, если уважает равные права других. Либертарианцы защищают права каждого человека на жизнь, свободу и собственность – права, которыми люди обладают изначально, вне зависимости от существования государства.

С точки зрения либертарианца, все отношения между людьми должны быть добровольными; единственные дей-

ствия, которые должны быть запрещены законом, – это все то, что подразумевает применение силы против тех, кто сам не применял силу: убийство, насилие, грабеж, похищение людей и мошенничество.

Большинство людей привычно верят в этот моральный кодекс и живут по нему. Либертарианцы считают, что этот кодекс должен применяться последовательно – то есть его нужно применять и по отношению к государству и правительству, а не только к отдельному человеку. Государство должно существовать для защиты прав, для защиты нас от тех, кто может использовать против нас силу. Когда государство применяет силу по отношению к людям, которые не нарушали права других, оно само становится нарушителем прав. Исходя из этого, либертарианцы осуждают такие действия государства, как цензура, призыв на воинскую службу, регулирование цен, конфискация имущества, а также вмешательство в нашу личную жизнь, включая ее экономический аспект.

Столь прямо выраженные либертарианские представления могут показаться чем-то не имеющим отношения к реальности, словно учение для мира ангелов, которого никогда не было и не будет. Не правда ли, в сегодняшнем, крайне сложном и зачастую неуютном мире государству есть где себя показать? Однако вот сюрприз: ответ на вопрос – нет. На самом деле, чем более усложненным делается мир, тем лучше работает либертарианство по сравнению, например, с монархией, диктатурой и даже послевоенным государством

всеобщего благосостояния американского разлива. Политическое пробуждение в сегодняшней Америке – первейшее и главное свидетельство того, что либертарианство вовсе не пережиток прошлого. Это философия, нет, больше – практический план для будущего. В американской политике это передовой отряд, не отвлекающий маневр, а атакующий авангард.

Либертарианская мысль распространена сегодня настолько широко, а американское правительство стало настолько разбухшим и нелепым, что два самых остроумных писателя Америки – либертарианцы. П. Дж. О’Рурк резюмировал свою политическую философию следующим образом: «Дать деньги и власть государству – все равно что дать виски и ключи от машины подросткам». Дэйв Бэрри понимает правительство почти так же четко, как Томас Пейн: «Лучший способ понять суть проблемы – это посмотреть на то, что делает правительство: оно берет деньги у одних людей и, прикарманив изрядную долю, оставшееся отдает другим».

Либертарианство – старая философия, но его система взглядов в отношении свободы в рамках закона и экономического прогресса делает его особенно подходящим для динамичного мира – как его ни называй: информационной эпохой, третьей волной или третьей промышленной революцией, – в который мы сейчас входим.

Возрождение либертарианства

Может возникнуть вопрос: США – в целом свободная и процветающая страна, зачем нужна какая-то новая философия правления? Разве нам плохо живется при нынешней системе? Действительно, общество, в условиях которого мы живем, принесло беспрецедентное процветание большому числу людей, чем когда-либо ранее. Но мы сталкиваемся с проблемами – высокие налоги, плохие школы, расовая напряженность, деградация окружающей среды и т. д., – с которыми наша нынешняя система не справляется. Как я попытаюсь показать, либертарианство предлагает способы решения этих проблем. Для начала я приведу три причины, по которым в канун нового тысячелетия либертарианство является правильным выбором для Америки.

Во-первых, мы даже близко не подошли к тому процветанию, которое могло бы иметь место. Если бы наша экономика росла теми же темпами, что в период с 1945 по 1973 г., наш валовой внутренний продукт был бы на 40 % больше, чем сейчас. Однако один этот факт не дает истинной картины экономического ущерба, который нам наносит избыточное государство. В мире глобальных рынков и ускоряющихся технологических изменений мы не должны расти темпами сорокалетней давности – мы должны расти быстрее. В большей степени полагаясь на рынки и индивидуальное пред-

принимательство, мы обеспечили бы более высокий уровень благосостояния всем нам, что особенно важно для тех, кто сегодня обездолен.

Во-вторых, как заявили упоминавшиеся выше 52 % американцев растерявшимся социологам, наше правительство стало слишком могущественным и уже начинает представлять угрозу нашей свободе. Правительство собирает слишком много налогов, слишком активно занимается регулированием и вмешивается куда не следует. Политики от Джесси Хелмса до Джесси Джексона стремятся навязать 250 млн американцев свой собственный моральный кодекс. Такие события, как атака на «Ветвь Давидову», убийство Вики Уивер и Дональда Скотта, избиение Родни Кинга² и учащающиеся

² *атака на «Ветвь Давидову»* – 19 апреля 1993 г. под тexasским городом Уэйко во время атаки со стороны ФБР вспыхнул деревянный хутор религиозной секты «Ветвь Давидова»; из огня успели выбежать лишь 9 человек, а около 75, в том числе женщины, дети и духовный вождь сектантов Дэвид Кореш, погибли. История началась 28 февраля 1993 г., когда к коммуне сектантов подъехали в фургонах для перевозки скота 75 вооруженных военных в стальных шлемах и бронежилетах и стали ломиться в дверь. Поводом были данные о том, что в ски-те Кореша незаконно хранятся гранаты и пулеметы. Началась перестрелка, в результате которой сектанты потеряли шесть человек убитыми, а нападавшие четверых. 51 день ФБР вело осаду и по ночам транслировало через репродукторы кошащее мяуканье и песню Нэнси Синатры со словами «эти ботинки пройдутся по тебе». 19 апреля 1993 г. специальные танки укрепленными на них крановыми стрелами стали пробивать дыры в дощатых строениях хутора и закачивать туда слезоточивый газ. Вспыхнул пожар. ФБР вызвало пожарных, но какое-то время не пускало их к хутору, ссылаясь на опасность. Когда пожарные добрались до огня, спасать уже было некого. Поначалу некоторые обвиняли сектантов и их лидера в самосожжении, но суд установил, что Кореш не виноват во взрыве, а в

попытки правительства забрать частную собственность без

гибели нескольких десятков человек повинны правительственные чиновники и привлеченные ими военные. **убийство Вики Уивер** – Рэнди Уивер с женой Вики, тремя дочерьми и 14-летним сыном Сэмми жили в отдалении от других людей в небольшом домике на хребте Руби-Ридж в горах штата Айдахо на принадлежащем им земельном участке. Рэнди придерживался расистских взглядов. Его жена, будучи христианской фундаменталисткой, не отдавала детей в школу и учила их сама. На жизнь они зарабатывали продажей дров и консервированных ягод. На одном из слетов экстремистской организации «Арийские нации» на озере Хейден, куда Уиверы ездили три или четыре раза, Рэнди, по сути дела, стал жертвой провокации со стороны полиции. Агент, работавший под прикрытием, попросил его укоротить стволы двух ружей. Уивер, всегда нуждавшийся в деньгах, охотно согласился подработать и отпилил стволы в указанном месте. При этом он на несколько миллиметров перешел черту, отделяющую законное оружие от незаконного обреза, и его арестовали. Федеральное агентство по контролю за продажей спиртных напитков, табачных изделий и огнестрельного оружия предложило ему стать осведомителем. Уивер отказался и не явился по вызову в суд, так как дата была указана неправильно. 21 августа 1992 г. группа захвата из шести судебных исполнителей с полной боевой выкладкой вторглась в пределы частного владения Уивера. Один из них начал бросать камни в сторону дома, чтобы выяснять, на какой шум отреагируют собаки. На лай из дома вышли Сэмми и друг Уиверов Кевин Харрис. Следуя за собаками, они наткнулись на группу захвата. Раздались выстрелы. Безоружный Сэмми был убит в спину, когда бежал к дому. Харрис застрелил одного из агентов (позже он был оправдан судом, признавшим его действия необходимой самообороной). Группа захвата была отозвана на базу для отдыха. После смерти судебного исполнителя в дело вступило ФБР. Впоследствии в Америке разгорелись ожесточенные дебаты по поводу цели операции, разработанной сотрудниками ФБР: намеревались они задержать и арестовать Уивера и Харриса или просто убить их. Слишком многое в материалах расследования, проведенного Министерством юстиции, говорило в пользу второй версии. Около 5 часов вечера 22 августа снайперы ФБР заняли свои позиции, а спустя час все взрослые, находившиеся в доме, были либо убиты, либо тяжело ранены, хотя не произвели ни одного выстрела в сторону агентов ФБР. Примерно в шесть Рэнди Уивер, Кевин Харрис и 16-летняя Сара Уивер вышли из дома и направились к

судебного разбирательства, заставляют опасаться вышедше-

сараю, где лежало тело убитого Сэмми. Снайпер выстрелил в спину Рэнди. Люди бросились обратно. Когда они вбежали в дом, Вики Уивер осталась стоять за закрытыми дверями, держа на руках грудного младенца. Снайпер выстрелил второй раз: пройдя через дверное окно, пуля попала в голову Вики, мгновенно убив ее, и ранила в грудь Кевина Харриса. Продержавшись 11 дней, раненый Уивер сдался властям. Присяжные оправдали его и Харриса почти по всем обвинениям. Уиверу пришлось лишь отсидеть один год за обрез. *убийство... Дональда Скотта* – рано утром 2 октября 1992 г. сводное подразделение в количестве 31 человека пересекло границу округа Лос-Анджелес и приступило к операции на территории округа Вентура, не уведомив местную полицию. Группа состояла из заместителей шерифа округа Лос-Анджелес, агентов DEA, чиновников из Управления парков США, солдат Национальной гвардии штата Калифорния и Пограничной охраны. Имея на руках ордер на обыск, они планировали арестовать Дональда Скотта – эксцентричного миллионера, владельца живописного ранчо стоимостью 2,5 млн долл., по обвинению в выращивании марихуаны. По данным информаторов, на ранчо Скотта находилась плантация из 4000 растений марихуаны. Между 8 и 9 часами команда правоохранителей прибыла в поместье Скотта. С грохотом вломившись в дверь, они оттеснили спустившуюся на шум жену Скотта через кухню в гостиную. Женщина кричала: «Не стреляйте! Не убивайте меня!» Разбуженный криками Дональд, страдавший от похмелья и плохо видевший после недавно перенесенной операции по удалению катаракты, выбежал из спальни, потрясая над головой короткоствольным револьвером 38-го калибра кольт «кобра». Офицеры велели ему бросить оружие и застрелили, когда он опускал руку. Оставив его лежать в луже крови, прибывшие начали искать улики. Все их усилия оказались тщетными: ни малейших намеков на наркотики обнаружено не было. (Позже ранчо обыскали с помощью вертолетов и собак, с использованием высокочувствительных приборов, способных обнаружить микроскопические количества веществ. Результат также оказался нулевым.) Вдова и друзья Дональда Скотта говорили, что его наркотиком был алкоголь, а не марихуана. Расследовавший это дело прокурор округа Вентура Майкл Брэдбери в 64-страничном докладе пришел к выводу, что истинной целью обыска был не поиск несуществующей плантации конопли, а захват поместья на основании законов о конфискации имущества и раздел захваченного между ведомствами, участ-

го из-под контроля правительства и напоминают о необходимости восстановить жесткие ограничения власти.

вовавшими в операции. К примеру, Управление парков США давно положило глаз на это живописное поместье, включив его в список собственности, которую желало бы приобрести, а управление шерифа округа Лос-Анджелес вообще в значительной степени зависит от имущества, захваченного в ходе облав на наркоторговцев, ввиду недостаточности выделяемого бюджета. В день операции ее участникам было сказано, что для конфискации ранчо Скотта достаточно найти 14 растений конопли. Прокурор обвинил руководителя операции Гэри Спенсера, который и застрелил Скотта, в утрате «моральных ориентиров». Позже федеральные власти согласились выплатить наследникам Скотта 5 млн долл. за отзыв иска о смерти в результате противоправных действий. **избиение Родни Кинга** – 3 марта 1991 г. машина чернокожего механика Родни Кинга была остановлена за превышение скорости. Полицейские избили его, нанеся 56 ударов дубинками и ногами. Кинг получил черепно-мозговые травмы. Случайный прохожий Джордж Холидей заснял избиение на видео, отнес пленку в телестудию KTLA, и на следующий день ролик уже крутили CNN и другие крупные телекомпании. Опросы показали, что после просмотра записи 90 % телезрителей были уверены в превышении силы полицией при аресте пьяного, но неагрессивного чернокожего. Вначале только немногие отнеслись к случившемуся как к проявлению расизма. Однако оценка в корне изменилась после того, как судьей стал известный своими консервативными взглядами Стэнли Вейзберг, заседания суда перенесли в белый район, а одиннадцать из 12 присяжных были избраны белые американцы, не скрывавшие своих симпатий к силам правопорядка. Афроамериканцев представлял только один присяжный. Суд состоялся в апреле 1992 г. Жюри присяжных совещалось семь дней. Когда двое из полицейских были оправданы, а третий осужден по самому незначительному пункту обвинения, в Лос-Анджелесе начались беспрецедентные беспорядки: грабежи, погромы и нападения на белых и выходцев из азиатских стран. Волнения удалось подавить лишь через пять дней; погибло 54 человека, 2000 человек получили ранения, около 7 тыс. были арестованы, материальный ущерб составил более 1 млрд долл. Сам Родни Кинг благодаря видеозаписи сумел не только подать на полицию в суд, но и после длительной многомесячной тяжбы отсудить компенсацию в 3 800 000 долл.

В-третьих, в быстро меняющемся мире, где каждый человек будет иметь беспрецедентный доступ к информации, централизованная бюрократия и принудительные правила просто не смогут поспеть за реальной экономикой. Существование мировых рынков капитала означает, что инвесторы не останутся заложниками национальных правительств и их налоговых систем с чрезмерно высокими ставками налогообложения. Развитие телекоммуникаций приведет к тому, что все больше и больше работников также получают возможность укрыться от высоких налогов и других поползновений навязчивого правительства. В XXI столетии будут процветать страны, привлекающие продуктивных людей. В безграничное будущее можно попасть, только имея ограниченное правительство.

XX век был веком государственной власти, от Гитлера и Сталина до тоталитарных государств за железным занавесом, от диктатур по всей Африке до бюрократических «государств всеобщего благосостояния» Северной Америки и Западной Европы. Многие считают: раз мир все более усложняется, вполне естественно, что правительства становятся больше и могущественнее. Однако в действительности XX век во многих отношениях представляет собой отклонение от магистрального пути, по которому развивалась 2500-летняя история западного мира. Начиная с древних греков, история Запада была по большей части историей возрастающей свободы при постепенном ограничении государственно-

го принуждения и произвола.

Сегодня, в конце XX в., некоторые признаки говорят о том, что мы, возможно, возвращаемся на путь ограничения государства и расширения свободы. С крахом коммунизма исчезли последние аргументы в пользу централизованного планирования. Развивающиеся страны приватизируют государственную промышленность и делают рынки свободными. Внедряя капитализм, страны Тихоокеанского бассейна в течение жизни одного поколения перешли от нищеты к мировому экономическому лидерству.

В США бюрократическому левиафану угрожает возрождение либертарианских идей, на которых в свое время была основана эта страна. На наших глазах рухнули все заветные чаяния социально-милитаристского государства. Американцы стали свидетелями провала большого правительства. В 1960-е они узнали, что правительства ведут войны, в которых нельзя победить, шпионят за своими внутренними оппонентами и лгут об этом. В 1970-е стало ясно, что государственное управление экономикой ведет к инфляции, безработице и стагнации. 1980-е годы открыли, что расходы на государство с его навязчивой опекой растут даже тогда, когда в борьбе за президентское кресло кандидаты наперебой обещают изменить ситуацию. Теперь, в 1990-е, американцы готовы применить эти уроки, чтобы сделать XXI век не веком государства, а веком свободного человека.

Эти изменения проистекают из двух главных источников.

Во-первых, из растущего во всем мире признания неэффективности государственного планирования и присущего ему деспотизма. Во-вторых, из роста политических движений, основанных на идеях³, особенно на идеях либертарианства.

³ ...*политических движениях, основанных на идеях...* – в противоположность движениям и партиям, ориентированным на узкие групповые интересы. Разницу между ними хорошо объяснил Людвиг фон Мизес: «Либерализм адресуется ко всем и предлагает программу, одинаково приемлемую для всех. Он никому не обещает привилегий. Призывая к отказу от проталкивания особых привилегий, он даже требует пойти на определенные жертвы, хотя, конечно, лишь временно, – отказаться от относительно небольшого преимущества, чтобы получить большую выгоду. Но партии особых интересов адресуются только к части общества. Этой части, для которой они только и намерены работать, они обещают особые преимущества за счет остального общества. <...> Чтобы понять истинный характер этих партий, необходимо иметь в виду тот факт, что изначально они появились с целью защиты особых привилегий от учений либерализма. Доктрины этих партий не являются, подобно доктрине либерализма, политическим приложением всеобъемлющей, тщательно продуманной теории общества. Политическая идеология либерализма выведена из фундаментальной системы идей, которая сначала была разработана в качестве научной идеи, без мыслей о ее политическом значении. В отличие от этого особые права и привилегии, отстаиваемые антилиберальными партиями, изначально уже существовали в общественных институтах, и именно в оправдание последних затем были предприняты попытки разработать соответствующую идеологию... Фермерские группы считают достаточным указать на необходимость сельского хозяйства. Профсоюзы апеллируют к необходимости труда. Партии среднего класса указывают на важность существования социального слоя, представляющего собой золотую середину. Кажется, их мало беспокоит, что подобные призывы никак не способствуют доказательству для широкой публики необходимости и даже выгоды особых привилегий, которых они добиваются. Группы, которые они хотят привлечь на свою сторону, пойдут за ними в любом случае, а что касается остальных, то любые попытки рекрутирования сторонников из их рядов будут тщетными» («Либерализм», с. 153–154).

Как написал в книге «Почему американцы ненавидят политику» Э. Дж. Дионне: «Возрождение либертарианства – одна из наименее известных, но наиболее замечательных тенденций последних лет. В 1970–1980-е годы антивоенные, антиавторитаристские, антиправительственные и антианалоговые настроения объединились, чтобы оживить долго бездействовавшее политическое направление».

Почему возрождение либертарианства происходит именно сейчас? Основная причина в том, что в XX столетии были опробованы все альтернативы либертарианству – фашизм, коммунизм, социализм, государство всеобщего благосостояния, – и ни одна из них не смогла обеспечить мира, процветания и свободы.

Первым с исторической сцены сошел фашизм, представленный Италией времен Муссолини и гитлеровской Германией. Его экономическая централизация и расовый коллективизм сейчас отвратительны любому цивилизованному человеку, так что мы склонны забывать, что до Второй мировой войны многие западные интеллектуалы восторгались «новыми формами экономической организации в Германии и Италии», как писал журнал «Nation» в 1934 г. Осознание злодеяний национал-социализма в Германии помогло создать не только движение за гражданские права, но и таких предвестников либертарианского ренессанса, как книги «Бог из машины» Изабел Патерсон и «Дорога к рабству» Фридриха Хайека.

Другой грандиозной тоталитарной системой XX столетия был коммунизм, осуществленный в Советском Союзе и его государствах-сателлитах. Общие принципы коммунизма разработал Карл Маркс. Коммунизм сохранял свою привлекательность для идеалистов гораздо дольше, чем фашизм. По крайней мере до разоблачений в 1950-х годах сталинских чисток многие американские интеллектуалы считали коммунизм благородной, несмотря на некоторые перегибы, попыткой устранить неравенство и «отчуждение», порождаемые капитализмом. В 1980-е годы некоторые американские экономисты всё еще продолжали превозносить СССР за экономический рост и эффективность – фактически вплоть до момента краха системы.

Крушение коммунизма в 1989–1991 годах не стало для либертарианцев сюрпризом. На протяжении многих лет они не уставали повторять, что коммунизм не только противоречил свободе и достоинству человека, но и был разрушительно неэффективен, и эта неэффективность нарастала со временем, тогда как капиталистический мир демонстрировал успехи. Крах коммунизма сильно сказался на идеологическом ландшафте мира: развитой социализм фактически перестал фигурировать в идеологических дебатах в качестве одной из целей общественного развития. Сейчас очевидно, что общество, тотально контролируемое государством, – это подлинная катастрофа, и все больше людей задается вопросом, почему общество хочет ввести *немного* социализма, ес-

ли полный социализм ведет к таким плачевным результатам.

А что происходит в государствах всеобщего благосостояния Запада? Основные идеологические битвы ведутся в относительно узких рамках, но они всё еще важны. Разве государство не должно контролировать рынок? Разве государства всеобщего благосостояния не более гуманны, чем были бы государства либертарианские? Хотя Западная Европа и США никогда не пытались построить полный социализм, подобные соображения привели к тому, что на протяжении XX в. контроль государства над экономическим аспектом жизни людей невообразимо усилился. Европейские правительства национализировали больше отраслей промышленности и создали больше государственных монополий, чем США. Авиаперевозки и телефонная связь, угольная промышленность, металлургия, автомобилестроение, радио и телевидение вошли в число отраслей, которые в США оставались в основном частными, а в Западной Европе принадлежали государству. Раньше, чем США, европейские страны учредили государственные программы социальных пособий «от колыбели до могилы».

В США национализация коснулась немногих отраслей (в их числе железные дороги Conrail и Amtrak), однако масштабы регулирования и ограничений экономического выбора растут по всей стране, и хотя мы не создали такой же всеохватной системы «социального страхования», как в Европе, наши трансфертные платежи простираются от програм-

мы «Женщины – младенцы – дети» (WIC) до программы «Рывок на старте», ссуд на оплату обучения в колледже, пособий по безработице, социального страхования и «Медик-эр»⁴ – неплохое начало для построения государства, опека-

⁴ *Женщины – младенцы – дети* (WIC) – специальная программа дополнительного питания для женщин, грудных младенцев и детей до 5 лет, подверженных рискам, связанным с недостаточным или несбалансированным питанием, путем предоставления продуктов питания, информации о здоровом питании и консультирования по другим источникам социальных пособий и медицинских услуг. Действует с 1974 г. Является программой социальных субсидий (grant program), а не социальных пособий (entitlement program), т. е. не предусматривает 100-процентного охвата всех, кто удовлетворяет условиям, позволяющим воспользоваться соответствующей помощью. Конгресс ежегодно рассматривает вопрос о выделении средств на эту программу. Администрируется Службой продовольствия и питания Министерства сельского хозяйства. Действует во всех 50 штатах, 33 индейских племенных организациях, Восточном Самоа, Пуэрто-Рико, на острове Гуам и Виргинских островах. Эти 88 агентств на уровне штатов управляют 2200 местными агентствами и 9000 медпунктов. В 1974 г. охватывала 88 000 человек. К 1980 г. распространилась на 1,9 млн человек, к 1985 – на 3,1 млн, к 1990 – на 4,5 млн человек. В 2002 г. помощь по этой программе получали в среднем ежемесячно 7,47 млн человек (около 3,74 млн детей, 1,93 млн грудных младенцев (до 1 года), 1,8 млн женщин). На сегодняшний день охватывает всех грудных младенцев, имеющих право получать помощь по этой программе (около 47 % всех младенцев, рождающихся в США, участвуют в этой программе). А в целом программа уже распространяется на 90 % женщин, грудных младенцев и детей до 5 лет, удовлетворяющих условиям, дающим право на получение субсидий. В 1974 г. на эту программу было выделено 20,6 млн долл., в 1980 – 750 млн, в 1985 – 1,5 млрд, в 1990 – 2,1 млрд, в 2002 г. – 4,462 млрд долл. *Программа «Рывок на старте»* (Head Start) – образовательная и медицинская программа помощи детям из малообеспеченных семей, умственно отсталым и инвалидам, финансируемая через Администрацию по делам детей, молодежи и семей Министерства образования. Действует с 1965 г. В 1966 г. охватывала 733 тыс. детей при бюджете 199,8 млн долл. В 2002 г. – 912,3 тыс. детей при

ющего «от колыбели до могилы».

Тем не менее во всем мире государства всеобщего благосостояния сталкиваются с серьезными трудностями. Налоговые ставки, необходимые для поддержания крупномасштабных трансфертных программ, калечат западные экономики. Зависимость от государства девальвировала ценность семьи, работы и бережливости. От Германии до Швеции и Австралии государства всеобщего благосостояния больше не способны выполнять свои обещания.

Уже через 15 лет, начиная с 2012 г., государственная система социального страхования в США будет испытывать

бюджете 6,5 млрд долл. **«Медикэп»** (*Medicare*) – федеральная программа льготного медицинского страхования для лиц старше 65 лет и инвалидов, учрежденная Конгрессом в 1965 г. Входит в общую федеральную программу социального страхования. Финансируется как федеральными властями, так и лицами, пользующимися этой программой. Программа предусматривает: 1) основное страхование на случай госпитализации (до трех месяцев), пребывания в домах престарелых и посещения медсестрами на дому (финансируется за счет налога на социальное страхование); 2) дополнительное страхование, включающее компенсацию за амбулаторное лечение и визиты к врачу (финансируется за счет добровольных ежемесячных взносов участников и долевого федеральных субсидий). При этом больной обязан заплатить первоначальный взнос за первый день пребывания в больнице. Дни вплоть до 60-го оплачиваются за счет программы. С 61-го по 90-й день включительно пациент обязан ежедневно платить 25 % суммы первого взноса. По истечении этого срока наступает «резервный период» (60 дней), которым можно воспользоваться один раз. В этот период больной платит ежедневно 50 % суммы первоначального взноса. Программа весьма детализирована и содержит многочисленные условия и оговорки. В 1988 г. Конгресс включил в программу страхование на случай стихийных бедствий. [«Американа» – Англо-русский страноведческий словарь. Смоленск: Полиграмма, 1996.]

дефицит средств, а полностью деньги закончатся к 2029 г. Официальные прогнозы показывают, что деньги на «Медикэр» кончатся уже в 2001 г., а к 2006 г. дефицит составит 443 млрд долл. Экономисты подсчитали, что американец, родившийся в 1975 г., будет вынужден тратить 82 % доходов, заработанных им в течение всей жизни, на налоги, взимаемые для поддержания программ социальных субсидий; вот почему молодые люди негодуют по поводу перспективы большую часть жизни работать на то, чтобы финансировать трансфертные программы, которые в конце концов с неизбежностью обанкротятся. Опрос 1994 г. показал, что 63 % американцев в возрасте от 18 до 34 лет не верят, что государственная система социального страхования просуществует до их выхода на пенсию; они охотнее верят в НЛО (46 %), чем в государственную систему социального страхования (28 %).

Демонтаж государства всеобщего благосостояния будет сложной экономической и политической проблемой, но все больше и больше людей – в США и в других странах – признают, что большое государство западного типа переживает замедленный вариант краха, покончившего с коммунистической системой.

В начале 1970-х годов экономический рост в США и Европе очень сильно замедлился. Объяснения этому давались самые разные; наиболее неоспоримое, по моему мнению, заключается в том, что десятилетием ранее неимоверно воз-

росло бремя налогов и государственного регулирования. Количество страниц в «Federal Register», где публикуются новые нормативные акты, увеличилось в два раза с 1957 по 1967 г. и еще в три раза с 1970 по 1975 г. Еще сильнее страдает Великобритания, где налоги выше, чем в США, и социализма значительно больше. В XIX в. это была богатейшая держава мира, но к 70-м годам XX в. ее экономическую стагнацию и недовольство населения именовали не иначе как «британской болезнью».

Эти проблемы привели к выбору Маргарет Тэтчер премьер-министром Великобритании в 1979 г. и Рональда Рейгана президентом США в 1980-м. Тэтчер и Рейган отличались от предыдущих лидеров своих партий. Вместо того чтобы управлять государством всеобщего благосостояния немного эффективнее, чем лейбористская или демократическая партии соответственно, они пообещали отказаться от социализма в Британии и высоких налогов в США. Их программы ни в коем случае нельзя назвать последовательно либертарианскими, но избрание этих лидеров показало, что избиратели были недовольны экономическим бременем большого правительства.

К сожалению, и Рейган, и Тэтчер, несмотря на продолжительность их пребывания у власти, не много сделали для замедления роста государства всеобщего благосостояния. Да, Тэтчер приватизировала немало национализированных предприятий, включая British Airways, телефонную компа-

нию, государственное жилищное строительство и автомобильную компанию *Jaguar*. Но она не стала ничего предпринимать против субсидий, выплачивавшихся среднему классу, и доля государственных расходов в ВВП не была снижена. Можно утверждать, что в экономической сфере Рейган добился еще меньшего. Он сократил ставки подоходного налога, но затем поднял налоги на заработную плату в целях сохранения краеугольного камня государства всеобщего благосостояния – социального обеспечения. Доля национального дохода, приходящаяся на государственные трансфертные платежи, продолжала расти.

В 1980-е годы были основания ожидать, что страна столкнется с банкротством государства всеобщего благосостояния, до того как станет возможной реформа. Но наиболее разительным оказался успех не Тэтчер в Британии или Рейгана в Америке, а Новой Зеландии, где у корпоративистского и патерналистского государства всеобщего благосостояния кончились деньги. По иронии судьбы именно лейбористское правительство премьер-министра Дэвида Ланджа и министра финансов Роджера Дугласа ликвидировало пошлины, создававшие тепличные условия для бизнеса, снизило налоги, урезало социальные пособия для среднего класса и рассматривало такие идеи, как ваучерная система оплаты обучения, позволяющая родителям самостоятельно выбирать школу для ребенка. Во всемирном рейтинге экономической свободы Новая Зеландия взлетела с мрачных 4,9

балла из 10 в 1985 г. до 9,1 к 1995 г., заняв третье место в мире. Чили и Аргентина, два других особенно расточительных государства всеобщего благосостояния, также достигли дна и осуществили масштабные реформы в 1990-х годах. Как и в Новой Зеландии, реформы в Аргентине пришли с неожиданной стороны – от президента Карлоса Менема из перонистской партии, которая с 1940-х по 1970-е годы реализовывала популярные программы социального обеспечения, превратившие Аргентину из одной из богатейших в мире стран в бедную страну с государством-банкротом.

Разочарование в политике

Неспособность западных государств выполнить свои обещания обеспечить процветание, безопасность и социальную справедливость вкупе с безуспешными попытками реформ привела во всех странах Запада к глубокому разочарованию в политиках. Историк Пол Джонсон писал в своей книге «Современность»: «Разочарование в социализме и других формах коллективизма... всего лишь один аспект куда более значительной потери доверия к государству как надежному и стремящемуся к всеобщему благу институту власти. В XX в. государство было тем институтом, который разросся больше других, одновременно став самым большим провалом века. <...> И если во времена Версальского договора в 1919 г. большинство образованных людей верили, что разросшееся государство может увеличить общую сумму человеческого счастья, то к 1990 г. в это не верил никто, кроме незначительной, непрерывно сокращающейся и морально раздавленной группы фанатиков... Эксперимент ставился бесчисленное число раз и практически во всех случаях провалился. Государство оказалось прожорливым транжирой и не имеющим себе равных растратчиком ресурсов. Кроме того, государство стало самым ненасытным убийцей за всю историю человечества».

К 1990-м годам во всех крупных западных странах про-

изошло беспрецедентное падение популярности политиков. Можно утверждать, что в США на всех президентских выборах с 1968 г. избиратели голосовали за кандидата, с которым связывали наибольшие надежды на уменьшение роли государства. Однако самое большое и самое громоздкое правительство в человеческой истории оказалось невосприимчивым к желанию общества подсократить его размеры и могущество. (Заметьте, я, естественно, не утверждаю, что правительство США является наиболее тираническим вообще; вовсе нет. Однако, я думаю, можно без преувеличения сказать, что правительство США контролирует больше ресурсов, распределяет больше помощи и издает больше правил и нормативных актов, чем любое другое правительство в мире.) К 1993 г. разочарование общества четко фиксировалось в социологических опросах. Институт Гэллапа проводит регулярные опросы общественного мнения о доверии федеральному правительству. С середины 1960-х годов этот показатель неуклонно снижается. Неудивительно, что самого низкого, как казалось, уровня он достиг в 1974 г., в конце провального президентства Ричарда Никсона. Затем он немного вырос, но за последний год неумелой администрации Джимми Картера упал еще ниже. Доверие федеральному правительству выросло на волне первоначального энтузиазма, связанного с обещанной Рональдом Рейганом революцией, но затем продолжило свое падение, пока не достигло самого низкого уровня за все время проведения опросов в

январе 1993-го, когда пост президента занял Билл Клинтон. Никогда прежде доверие общества правительству не было таким низким в самом *начале* президентского срока. Стоит ли удивляться, что общество без энтузиазма встретило предложенную Клинтоном амбициозную программу правительственного активизма: повышение налогов, программа стимулирования экономики, национальная молодежная служба и, конечно, его грандиозный план фактической национализации медицинского обслуживания.

Результаты другого опроса подтвердили охлаждение общества к правительству. При ответе на вопрос: «Что вы предпочитаете, более компактное правительство, предоставляющее меньше услуг, или большое правительство, предоставляющее большое количество услуг?» – процент высказавшихся в пользу «более компактного правительства» увеличился с 49 в 1984 г. до 60 в 1993-м и до 68 в 1995-м. (Заметьте, этот вопрос даже не напоминал, что больше услуг означает больше налогов.) Другой постоянно задаваемый в этих исследованиях вопрос звучал так: «Как часто вы считаете, что правительство в Вашингтоне поступает правильно?» В 1964 г. 14 % ответили «всегда» и 62 % – «чаще всего». К 1994 г. ответ «всегда» практически исчез, а доля ответов «чаще всего» упала до 14 %. Доля варианта «только иногда» возросла с 22 до 73 %, а 9 % респондентов *предложили свой* ответ: «Никогда». Принимая все это во внимание, не приходится удивляться, что к середине 1995 г. число избирателей,

выступающих за создание третьей партии, выросло до 62 %.

Майкл Ледин из Американского института предпринимательства утверждает: во время «холодной войны» избиратели на Западе считали, что они должны поддерживать свой правящий класс, дабы избежать гораздо худшей участи. Но в 1990-х годах «внешняя угроза исчезла, и люди готовы потребовать обратно контроль над своей судьбой».

Эти люди понимают, по крайней мере интуитивно, что век политики не сдержал своих обещаний. Они готовы к встрече с политической философией и политическим движением, которые смогут объяснить, почему политика потерпела неудачу и чем ее можно заменить.

Причины политических провалов

Исследованию проблем, связанных с принуждающим правительством, и либертарианской альтернативе будет посвящена значительная часть этой книги. Здесь мы ограничимся кратким введением. США поражены болезнью, которая диагностируется по всему миру: слишком много государства. Чем больше государство, тем масштабнее провал; так, например, крах политики государственного социализма очевиден для всех. Как неустанно предупреждали либертарианцы на всем протяжении XX в., социализм и все остальные попытки заменить индивидуальные решения распоряжениями государства отнимали свободу и подавляли достоинство личности – то, ради чего в западной цивилизации велось столько битв. Кроме того, социализм сталкивался с несколькими непреодолимыми политическими и экономическими проблемами:

- *проблема тоталитаризма* – соблазн злоупотребления такой сконцентрированной властью непреодолим;
- *проблема стимулов* – отсутствие стимула для людей работать усердно и эффективно;
- *проблема расчета* – неспособность социалистической системы, не имеющей системы цен и рынков, распределить ресурсы в соответствии с предпочтениями потребителей.

Десятилетиями либертарианские экономисты, такие как Фридрих Хайек и Людвиг фон Мизес, не уставали повторять, что социализм просто не может работать, не может эффективно использовать все ресурсы и знания великого общества для обслуживания потребителей, и десятилетиями социал-демократы на Западе отклоняли эти заявления, утверждая, что советский коммунизм не просто худо-бедно существует, а его экономика растет быстрее, чем экономики стран Запада.

Социал-демократы были не правы. Хотя неповоротливая советская экономика и могла производить в больших количествах низкосортную сталь и бетон, занимаясь, по выражению родившегося в Венгрии философа Майкла Поланьи, «зримым производством», и даже запускала людей в космос, ей никогда не удавалось произвести ничего из того, что желали иметь потребители. К концу 1980-х годов советская экономика *не* составляла 2/3 экономики США, как утверждало ЦРУ; *не* «использовала свою рабочую силу полностью», как утверждал экономист из Гарвардского университета Джон Кеннет Гэлбрейт; *не* являлась «мощным двигателем экономического роста», как многие поколения студентов колледжей узнавали из учебника нобелевского лауреата Пола Самуэльсона. В действительности советская экономика составляла примерно 10 % экономики США, если вообще позволительно сравнивать столь несравнимые вещи, и крайне неэффективно использовала высокий интеллектуальный потен-

циал страны. Нежизнеспособное порождение индустриального века, в информационную эпоху советская экономика производила впечатление пещерного прошлого – факт, очевидный для всех, кто посещал СССР, за исключением западных интеллектуалов.

Вмешательству государства в функционирование общества и рынков в США сопутствуют те же проблемы, хотя и в более мягкой форме. Власть развращает, поэтому возможность государства указывать людям, как им жить, или отнимать деньги у тех, кто их зарабатывает, и отдавать другим является постоянным соблазном. Налоги и государственное регулирование снижают стимулы людей производить богатство, а государственные социальные пособия плохо сказываются на стимулах работать, сберегать и помогать семье и друзьям в случае болезни, нетрудоспособности или ухода на пенсию. И, хотя американские бюрократы не повторяют грубых ошибок, совершавшихся социалистическими плановыми органами, абсолютно очевидно, что государственные предприятия менее эффективны, менее склонны к нововведениям и более расточительны, чем частные фирмы. Сравните хотя бы Почтовую службу США с компанией Federal Express. Или посмотрите, как решаются проблемы клиентов в American Express и Налоговом управлении. Или сравните частный многоквартирный дом с государственным жильем. Если люди не владеют данным имуществом, они не будут заботиться о нем как собственники; люди, которые не инвести-

ровали в предприятие своих собственных денег и не получают прибыль от его успехов, никогда не будут вводить новшества, обслуживать клиентов и снижать издержки так, как это делают стремящиеся получить прибыль предприниматели.

В книге «Общество изобилия» Джон Гэлбрейт обнаруживает «частное богатство и государственную нищету» – т. е. общество, в котором ресурсы, находящиеся в частном владении, обычно содержатся в чистоте, эффективно используются, имеют надлежащий уход, повышающий их качество, в то время как места общественного пользования грязны, переполнены и небезопасны, – и делает странный вывод, что нам следует направлять больше ресурсов в государственный сектор. Данная книга предлагает другой выход.

Базовые политические альтернативы

На протяжении столетий люди спорили о фундаментальных проблемах политики и форм правления. Согласно Аристотелю, возможны четыре политические системы: тирания, аристократия, олигархия и демократия. В середине XX в. многим казалось, что в число альтернатив можно включить коммунизм, фашизм и демократический капитализм. Сегодня интерес сохранился только к демократическому капитализму, поэтому многие интеллектуалы легко восприняли провозглашенный Френсисом Фукуямой «конец истории», означающий, что великие битвы за идеологию закончились триумфом демократии на основе смешанной экономики. Однако в то время, когда книга Фукуямы вышла в свет, в одной части мира вызревал исламский фундаментализм, а некоторые политические лидеры и интеллектуалы в Азии под флагом «азиатских ценностей» начинали обосновывать некую разновидность авторитарного капитализма.

В любом случае предполагаемый триумф демократии до сих пор оставляет большое поле для соперничающих идеологий. Сомнительно даже определение «демократии» как западной альтернативы фашизму и социализму. Либертарианцы, как следует из названия, считают, что наиболее важной политической ценностью является свобода, а не демократия. Какая разница, могут спросить многие современные чита-

тели? Разве свобода и демократия не одно и то же? Конечно, стандартная интерпретация американской истории вроде бы подсказывает положительный ответ на этот вопрос. Но задумайтесь: Индия – крупнейшая в мире демократия, однако ее приверженность свободе слова и плюрализму слаба, ее граждане опутаны паутиной протекционистских ограничений, стесняющих свободу на каждом шагу. В течение последних нескольких десятилетий Гонконг не был демократией – его граждане не имели права выбирать своих правителей путем голосования, – и тем не менее индивидуальному выбору и свободе здесь предоставлялось больше простора, чем где бы то ни было еще. Связь между свободой и демократией существует, но все-таки эти два понятия не тождественны. Как говорит мой друг Росс Леваттер, живя в обществе, где супруга выбирают большинством голосов всех граждан государства, мы жили б в условиях демократии, но у нас бы не было особой свободы.

Слово «свобода» имеет два разных значения, и это порождает путаницу; различия между ними хорошо рассмотрены французским либертарианцем XIX в. Бенжаменом Констаном в эссе «Свобода древних в сравнении со свободой современников». Констан отмечал, что для древнегреческих писателей идея свободы означала право участвовать в общественной жизни, в принятии решений для всего общества. Таким образом, Афины были свободным государством, поскольку все граждане, т. е. все свободные совершеннолет-

ние афинские мужчины, могли выйти на арену и участвовать в процессе принятия решений. Сократ в действительности был свободен, поскольку мог участвовать в коллективном решении казнить его за его еретические убеждения. В отличие от этого понимания современная идея свободы делает упор на право людей жить так, как они хотят, свободно говорить и исповедовать свою религию, владеть собственностью, заниматься торговлей, быть защищенными от произвольного ареста или задержания – выражаясь словами Констанана, «приходить и уходить без разрешения и без необходимости отчитываться в своих мотивах и предприятиях». Правительство, основанное на участии тех, кем оно управляет, – важная гарантия прав личности, но собственно свобода – это право выбирать и делать то, что считаешь нужным.

Для либертарианцев главный политический вопрос – отношения отдельного человека с государством. Какие права имеют люди (если вообще имеют)? Какая форма правительства (если оно вообще должно быть) будет наилучшим образом защищать эти права? Какие полномочия должно иметь государство? Какие требования могут выдвигать отдельные люди друг другу через механизм правительства? По мнению Эдварда Крейна из Cato Institute, существуют всего два основных способа организации общества: принудительный, посредством диктатуры государства, и добровольный, посредством мириад взаимосвязей между отдельными людьми и частными объединениями. Все политические си-

стемы – монархия, олигархия, фашизм, коммунизм, консерватизм, либерализм, либертарианство – сводятся к простому вопросу: кто будет принимать решение о каком-то конкретном аспекте вашей жизни, вы сами или кто-то другой?

Кто тратит деньги, которые вы зарабатываете, вы или Конгресс?

Кто выбирает школу, в которую ходит ваш ребенок, вы или школьный совет?

Кто решает, какие лекарства вам принимать во время болезни, вы или Управление по контролю за качеством пищевых продуктов и медикаментов в Вашингтоне?

В гражданском обществе решения, касающиеся вашей жизни, принимаете вы сами. В политическом обществе эти решения принимают за вас, и, поскольку люди, естественно, сопротивляются тому, что жизненно важные вопросы решаются без их участия, политическое общество неизбежно основывается на принуждении. В этой книге мы будем изучать следствия, вытекающие из этого положения.

Ключевые идеи либертарианства

С учетом сказанного выше я бы хотел разъяснить некоторые ключевые идеи либертарианства, основные темы, которые будут повторяться на протяжении всей книги. Они выкристаллизовывались в течение многих столетий. Первые намеки на них можно найти в Древнем мире – в Китае, Греции и Израиле; постепенно в работах таких мыслителей XVII–XVIII вв., как Джон Локк, Давид Юм, Адам Смит, Томас Джефферсон и Томас Пейн, они начали обретать форму современной либертарианской философии.

Индивидуализм. Элементарной единицей социального анализа либертарианцы считают отдельного человека, индивида. Только индивиды делают выбор и отвечают за свои действия. Либертарианская мысль подчеркивает достоинство каждого индивида, которое влечет за собой как права, так и обязанности. Постепенное признание достоинства все большего круга людей – женщин, людей различных религий и рас – один из величайших триумфов либертарианцев в западном мире.

Права личности. Поскольку люди являются носителями морали, они имеют право на защиту их жизни, свободы и собственности. Эти права не предоставляются государством или обществом; они присущи природе людей. Правильность того, что люди обладают гарантией этих прав, понятна инту-

итивно; бремя объяснения должно лежать на тех, кто отбieraет права.

Стихийный порядок. Для того чтобы люди могли выжить и полностью реализовать себя, в обществе должна поддерживаться высокая степень порядка. Легко предположить, что порядок должен устанавливаться центральной властью, таким же образом, как мы устанавливаем порядок в коллекции марок или футбольной команде. Великое прозрение либертарианского социального анализа заключается в том, что порядок в обществе возникает спонтанно, из действий тысяч или миллионов людей, которые в стремлении достичь собственных целей координируют свои действия с действиями других. На протяжении человеческой истории люди в каждом конкретном случае выбирали бoльшую свободу, но тем не менее умудрились создать сложное общество с запутанной организацией. Все самые важные институты человеческого общества – язык, право, деньги и рынки – развились спонтанно, без централизованного руководства. Гражданское общество – единая сложная сеть объединений и связей между людьми – другой пример стихийного порядка; объединения внутри гражданского общества создаются для определенной цели, но само гражданское общество не является организацией и не имеет отдельной цели.

Верховенство права. Либертарианство – это не распушенность или гедонизм. Оно не имеет ничего общего с утверждением, что «люди могут делать все, что захотят, и никто

им не указ». Нет, либертарианство предлагает общество свободы в рамках закона, где люди вольны жить своей жизнью до тех пор, пока они уважают равные права других. Верховенство права означает, что люди подчиняются общеприменимым и спонтанно разработанным юридическим правилам, а не произвольным приказам, и эти правила должны защищать свободу людей искать счастья своим собственным путем, а не нацеливать их на достижение какого-то заданного извне результата.

Ограниченное правительство. Для обеспечения прав люди учреждают правительства. Однако правительство – опасный институт. Либертарианцы испытывают сильную антипатию к концентрации власти, поскольку, по выражению лорда Актона, «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Таким образом, они хотят разделить и ограничить власть, а это означает главным образом ограничить правительство – как правило, посредством писаной конституции, перечисляющей и ограничивающей полномочия, которые люди делегируют правительству. Ограниченное правительство – основное *политическое* следствие либертарианской идеологии, и либертарианцы обращают всеобщее внимание на исторический факт, что именно рассредоточение власти в Европе – по сравнению с другими частями мира – привело к свободе личности и способствовало экономическому росту.

Свободные рынки. Для выживания и процветания людям

необходимо заниматься экономической деятельностью. Право на имущество влечет за собой право обменивать его по взаимному согласию обеих сторон. Свободные рынки – это экономическая система, состоящая из свободных людей, наличие которых необходимо для создания богатства. Либертарианцы считают, что люди будут и более свободными, и более богатыми, если вмешательство правительства в их экономический выбор будет минимизировано.

Добродетель производства. Либертарианский импульс XVII в. в значительной степени был реакцией против монархов и аристократов, живших за счет производительного труда других людей. Либертарианцы отстаивали право людей самим распоряжаться плодами своего труда. Эти усилия сформировали в обществе чувство уважения к работе и производству и, что особенно важно, к растущему среднему классу, на представителей которого аристократы смотрели свысока. Либертарианцы развили домарксистский классовый анализ, деливший общество на два основных класса: тех, кто производит богатство, и тех, кто силой отнимает его у других. Томас Пейн, например, писал: «Граждане страны делятся на два класса: тех, кто платит налоги, и тех, кто получает налоги и живет за их счет». Подобным же образом выразился в 1824 г. и Джефферсон: «Наш государственный аппарат превышает необходимые размеры – слишком много паразитов живет за счет прилежно трудящихся людей». Современные либертарианцы защищают право людей само-

стоятельно распоряжаться заработанным и выступают против класса политиков и бюрократов, отнимающих у людей заработанное ими, чтобы передать тем, кто ничего не производит.

Естественная гармония интересов. Либертарианцы полагают, что в справедливом обществе интересы мирных производительных людей гармоничны. Индивидуальные планы одного человека, направленные, к примеру, на получение работы, начало бизнеса, покупку дома и т. д., могут вступать в конфликт с планами других людей, поэтому многих из нас рынок заставляет менять свои планы. Но благодаря действию свободного рынка процветают все, и между фермерами и торговцами, производителями и импортерами нет никаких неустранимых конфликтов. Только когда государство начинает распределять вознаграждение на основе политического давления, люди оказываются вовлеченными в групповые конфликты, вынуждены организовываться и бороться с другими группами за кусок политической власти.

Мир. Либертарианцы всегда боролись против извечного проклятья войны. Они понимали, что война несет с собой смерть и разрушение, подрывает семью и экономику и сосредоточивает власть в руках правящего класса (последнее объясняет, почему правители не всегда разделяют стремление большей части общества к миру). Конечно, очень часто свободным людям приходилось с оружием в руках защищать свои общества от внешних угроз; но на протяжении всей че-

ловеческой истории война, как правило, была общим врагом мирных производительных людей по обе стороны конфликта.

Рассмотрению этих вопросов и посвящена книга. У читателя могло сложиться впечатление, что либертарианство – не более чем стандартная современная система политических принципов: индивидуализм, частная собственность, капитализм, равенство перед законом. Действительно, после столетий интеллектуальной, политической, а иногда и насильственной борьбы по крайней мере на Западе эти ключевые принципы либертарианства стали фундаментом современной политической мысли и современной системы правления и постепенно принимаются на вооружение в других частях мира. Тем не менее необходимо добавить три пункта. Во-первых, содержание либертарианства не исчерпывается названными выше общими либеральными принципами. В отличие от большинства современных мыслителей и, конечно же, любого современного правительства, либертарианство *применяет* эти принципы в полном объеме и последовательно. Во-вторых, хотя в целом наше общество все еще основано на равных правах и капитализме, каждый день в Вашингтоне и Олбани, Сакраменто и Остине⁵ (не говоря уже о Лондоне, Бонне, Токио и других местах) появляются все новые и новые исключения из этих принципов. Каждая новая дирек-

⁵ *Олбани, Сакраменто, Остин* – административные центры штатов Нью-Йорк, Калифорния и Техас.

тива правительства отнимает часть нашей свободы, и каждый раз, прежде чем соглашаться на сужение нашей свободы, нам следует очень хорошо подумать. В-третьих, свободное общество эластично; некоторое время оно может процветать и под гнетом множества ограничений; однако его эластичность не бесконечна. Люди, заявляющие, что верят в либеральные принципы, и при этом поддерживающие всё новые и новые мероприятия по конфискации богатства, созданного производительными людьми, введение все новых и новых ограничений свободного взаимодействия между людьми, всё новые и новые исключения из прав собственности и власти закона, передачу все большей власти от общества государству, неосознанно участвуют в разрушении основ цивилизации.

Левые или правые?

В современном американском политическом дискурсе на каждого наклеивается определенный ярлык: левый/правый, либеральный/консервативный. Соответственно возникает вопрос, к какой части политического спектра – левой или правой – относится либертарианство. Давайте посмотрим, что означают эти термины. В словаре «American Heritage Dictionary» мы читаем, что либералы выступают за «прогресс и реформы», а консерваторы являются сторонниками «сохранения существующего порядка и подозрительно относятся к предложениям об изменениях». В словаре «Random House Dictionary» мы читаем, что левые защищают «либеральные реформы... обычно в поддержку большей личной свободы или улучшения социальных условий», тогда как правые «защищают сохранение существующего социального, политического или экономического порядка, иногда авторитарными средствами». Итак, если бы мне пришлось выбирать, я бы выбрал «левых». Но если ориентироваться на эти стандарты, можно ли назвать консерваторами, скажем, Рональда Рейгана и Ньюта Гингрича? Разве они не поддерживали серьезные изменения в американском правительстве, которые, по их мнению, являлись «реформой» и были направлены на «улучшение социальных условий»? Данные определения мало что говорят о современной американской

политике. В некоторых учебниках по политологии на основе дихотомии левые/правые политические идеологии ранжируются в виде континуума:

Но действительно ли либерализм – это умеренная форма коммунизма, а консерватизм – умеренная форма фашизма? Как фашизм, так и коммунизм являются тоталитарными идеологиями, и не имеют ли они поэтому больше общего друг с другом, чем со своими соседями по спектру левые/правые?

Политический комментатор Чарльз Краутхаммер, пытается придать словам «либеральный» и «консервативный» такой смысл, чтобы их можно было применять в любой стране мира, предложил следующее определение: «правое» означает «меньше правительства», а «левое» – «больше правительства». Его схема выглядела бы так:

Однако в реальном мире люди не всегда последовательны в отношении размеров правительства. Где на схеме Кра-

утхаммера вы поместили бы консерваторов, которые хотят сократить налоги и ограничить порнографию в Интернете? Или либералов, выступающих за усиление государственного регулирования и одновременно за отмену законов, направленных против гомосексуалистов?

В целом, если посмотреть на тех, кто называет себя либералами или консерваторами, можно заметить некую закономерность. Либералы, как правило, выступают за усиление вмешательства государства в экономическую жизнь – налоги и регулирование – и уменьшение вмешательства государства в свободу слова и личных решений. Консерваторы, как правило, выступают за уменьшение вмешательства государства в экономическую жизнь и усиление вмешательства государства в вопросы свободы слова и личной свободы. Некоторые политологи считают, что эта классификация лучше описывает политический спектр современной Америки; того, кто не вписывается в эту классификацию, называют «запутавшимся». Политологи Уильям Мэддокс и Стюарт Лили в книге «Beyond Liberal and Conservative» задают простой вопрос: «Поскольку этот подход имеет два измерения – экономические вопросы и личные свободы, – каждый из которых имеет два значения, не стоит ли исходить из четырех возможных комбинаций?» Они предложили схему, приведенную ниже.

Вмешательство государства
в экономическую жизнь

За

Против

Расширение личных
свобод

За

Против

Либералы	Либертарианцы
Популисты	Консерваторы

Либертарианцы считают, что история цивилизации – это движение к свободе. И, кроме того, позиции либертарианцев и «популистов» (возможно, более подходящее определение – «этатисты») в действительности более последовательны и однородны, чем позиции либералов и консерваторов. Поэтому почему бы не повернуть схему так, чтобы показать, что последовательная приверженность свободе – это не просто одна из четырех альтернатив, а фактически кульминация политической мысли? В результате мы получаем следующую схему:

Теперь мы можем ответить на вопрос, сформулированный выше. В современном американском спектре, основанном на дихотомии левые/правые, либертарианцы не могут

быть ни левыми, ни правыми. В отличие как от современных либералов, так и от современных консерваторов либертарианцы последовательны в своей вере в свободу личности и ограниченное правительство. Некоторые журналисты пишут, что либертарианцы являются консерваторами в экономических вопросах и либералами в социальных, но логичнее было бы сказать, что современные либералы являются либертарианцами по (некоторым) социальным вопросам, но этатистами по экономическим, тогда как современные консерваторы – либертарианцы по (некоторым) экономическим вопросам, но этатисты по вопросам социальным.

Примечание о ярлыках: почему «либертарианцы»?

Некоторые говорят, что им не нравятся ярлыки. В конце концов, каждый из нас слишком сложен, чтобы его можно было классифицировать как белого или черного, гомосексуалиста или натурала, богатого или, бедного или, по идеологическим параметрам, как социалиста, фашиста, либерала, консерватора или либертарианца. Однако ярлыки в некотором смысле полезны; они помогают концептуализировать опыт, экономят слова. И, если наши убеждения логичны и последовательны, возможно, для их описания существует определенный ярлык. В любом случае, если вы сами не придумаете определение для своей философии или движения, его придумает кто-нибудь другой. (Именно так система человеческого творчества и прогресса в условиях свободного рынка получила название «капитализм» — термин, который подразумевает накопление денег, что имеет место в любой экономике. Это название придумал заклятый враг капитализма Карл Маркс.) Поэтому для описания своей политической философии и движения, способствующего ее распространению, я использую термин «либертарианство».

Почему для названия политической философии выбран такой неуклюжий термин, как либертарианство? Этот неологизм слишком громоздок. Возможно, выбор не самый удач-

ный. Однако на то есть определенные исторические причины.

Элементы либертарианства можно обнаружить у древнекитайского философа Лао-Цзы, а также в концепции высшего закона древних греков и израильтян. Современную форму либертарианские идеи начали приобретать в Англии XVII в. в произведениях левеллеров⁶ и Джона Локка. В середине того столетия противников королевской власти начали именовать

⁶ *левеллеры* (уравнители) – радикальная политическая партия в период Английской революции XVII в., активно действовала в 1645–1649 гг. Во время гражданской войны некоторые английские радикалы начали публиковать и распространять памфлеты в защиту прав солдат. Они обращали внимание на то, что, проливая кровь за парламент, подавляющее большинство солдат не имеют права избирать его, и требовали, чтобы право голоса было предоставлено всем взрослым мужчинам, а выборы проводились каждый год. В 1645 г. Джон Лилберн (ок. 1614–1657), Джон Уалдман (1621–1693), Ричард Овертон (1625–1663) и Уильям Уолвин (1600–1680) создали новую политическую партию левеллеров. Их политическая программа включала: избирательные права для всех взрослых мужчин, ежегодные выборы в палату общин, полную свободу религии, отмену цензуры книг и газет, упразднение монархии и палаты лордов, суд присяжных, освобождение от уплаты налогов тех, чьи доходы не превышают 30 фунтов стерлингов в год, и ограничение максимального уровня процентной ставки 6 %. Вдохновленные Петицией о правах 1628 г., под предводительством Джона Лилберна, в то время служившего в чине лейтенанта в армии Кромвеля, левеллеры поначалу поддерживали протекторат, однако позже выступили против Кромвеля, который не стал проводить требуемые ими реформы. В ответ некоторые лидеры партии были казнены, а другие брошены в тюрьму. Идеи левеллеров оказали влияние на их современника Томаса Гоббса и таких философов, как Джеймс Харрингтон и Джон Локк. Их предложения обрели вторую жизнь во время Славной революции 1688 г. и были закреплены в английском Билле о правах 1689 г. Левеллеры провозгласили многие идеи, которые впоследствии вошли в текст Конституции США, прежде всего в Билль о правах.

вать вигами, или иногда просто оппозицией, или деревенскими (т. е. писавшими в поместьях в отличие от придворных) писателями.

В 1820-х годах представители среднего класса в испанских кортесах, или парламенте, стали называть себя *liberales* (свободными). Они боролись с *serviles* (рабами), которые представляли знать и абсолютную монархию. К сожалению, для обозначения тех, кто защищает власть государства над людьми, термин «*serviles*» не закрепился. А вот слово «либерал» для обозначения защитников свободы и власти закона распространилось быстро. Партия вигов в Англии стала называться либеральной партией. Сегодня философия Джона Локка, Адама Смита, Томаса Джефферсона и Джона Стюарта Милля именуется либерализмом.

Но где-то в 1900 г. смысл термина «либерал» изменился. Называть себя либералами стали люди, поддерживавшие большое правительство и желавшие поставить под контроль и ограничить свободный рынок. Экономист Йозеф Шумпетер заметил: «В качестве высшего, хотя и непреднамеренного комплимента враги системы частного предпринимательства сочли разумным присвоить его имя». Поэтому сегодня мы называем философию личных прав, свободных рынков и ограниченного правительства – философию Локка, Смита и Джефферсона – классическим либерализмом.

Однако для современной политической философии классический либерализм не совсем подходящее название.

«Классический» звучит как старый, устаревший, окаменевший. (А кроме того, если в нашу эпоху исторического невежества вы назовете себя классическим либералом, большинство будет думать, что вы поклонник Тедди Кеннеди!) Некоторые сторонники ограниченного правительства стали пользоваться названием своих старых противников – «консерваторы». Но правильно понимаемый консерватизм означает если не защиту абсолютной монархии и старого порядка, то по крайней мере нелюбовь к переменам и желание сохранить существующее положение вещей. Было бы странно именовать консерватизмом капитализм свободного рынка – самую прогрессивную, динамичную и постоянно меняющуюся систему из всех известных в мире. Эдвард Крейн предложил, чтобы современные преемники Локка и Смита называли себя «рыночными либералами», сохранив слово «либерал» с его этимологической связью со свободой, но заново подтвердив либеральную приверженность рынкам. Этот термин был хорошо встречен рыночно-либеральными интеллектуалами, но, по-видимому, не был воспринят журналистами и общественностью.

Социалист – вот, без сомнения, наиболее подходящий термин для обозначения защитников гражданского общества и свободных рынков. Томас Пейн проводит различие между обществом и правительством, а либертарианский автор Альберт Джей Нок называет все, что люди делают добровольно – из любви, в благотворительных целях или ради

прибыли, — «социальной властью», которой всегда угрожает агрессия со стороны государственной власти. Поэтому можно сказать, что те, кто защищает социальную власть, являются социалистами, а те, кто поддерживает государственную власть, являются этатистами. Но, увы, в США и слово «социалист», и слово «либерал» закрепили за собой те, кто не отстаивает ни гражданское общество, ни свободу.

Во всем остальном мире, как правило, защитников свободы всё еще называют либералами. В Южной Африке либералы, такие как Хелен Сузман, отвергли систему расизма и экономических привилегий, известную как апартеид, в пользу прав человека, нерасовой политики и свободных рынков. В Иране либералы противостоят теократическому государству и стремятся к «демократическому капитализму» западного стиля. В Китае и России либералы — это те, кто хочет заменить тоталитаризм во всех его аспектах классической либеральной системой свободных рынков и конституционным правительством. Даже в Западной Европе «либерал» все еще воспринимается как сторонник несколько размытой версии классического либерализма. Германские либералы, которых можно обнаружить, например, в Свободной демократической партии, противостоят социализму социал-демократов, корпоративизму христианских демократов и патернализму тех и других. За пределами США даже американские журналисты понимают традиционное значение слова «либерал». В 1992 г. газета «Washington Post» в репортаже из Москвы

сообщала, что «либеральные экономисты критикуют правительство за недостаточно быстрое осуществление структурных реформ, что позволяет неэффективным государственным предприятиям продолжать штамповать никому не нужные товары». Либеральные экономисты, такие, как Милтон Фридмен, выступают с аналогичной критикой в США, однако «Washington Post» называет их консервативными экономистами.

К 1940-м годам в США слово «либерал» было полностью отдано на откуп сторонникам большого правительства. Некоторые классические либералы одно время сопротивлялись, упрямо настаивая, что именно они были истинными либералами, а так называемые либералы в Вашингтоне фактически воссоздали старый порядок государственной власти, который в свое время был свергнут благодаря борьбе либералов. Однако остальные смирились с новым словоупотреблением. В 1950-х годах Леонард Рид, основатель Фонда экономического образования, начал называть себя либертарианцем. Это слово уже длительное время использовалось для обозначения защитников свободной воли (в противоположность детерминизму) и, подобно слову «либерал», происходило от латинского *liber* (свободный). В 1960–1970-е годы оно постепенно было воспринято растущей группой либертарианцев в качестве самоназвания. В 1972 г. была образована либертарианская партия. В то время некоторые из величайших либертарианцев XX в. еще отвергали этот термин,

как, например, Айн Рэнд, именовавшая себя «радикалом за капитализм», или Фридрих Хайек, продолжавший называть себя классическим либералом или старым вигом.

В этой книге я принимаю современную терминологию. Я называю идеи, которые защищаю, и движение, которое стремится их распространить, либертарианством. Либертарианство можно рассматривать как политическую философию, последовательно применяющую идеи классического либерализма, доводя либеральную аргументацию до выводов, ограничивающих роль правительства более строго и защищающих свободу отдельного человека в большей степени, чем любые другие классические либералы. В большинстве случаев я использую слово «либерал» в его традиционном смысле; сегодняшних либералов, именуемых так по недоразумению, я называю либералами государства всеобщего благосостояния или социал-демократами. И должен отметить, что либертарианские идеи и либертарианское движение гораздо шире любой политической партии, в том числе либертарианской. Упоминание либертарианства не следует воспринимать как указание на либертарианскую партию, если об этом не говорится прямо.

Старые идеологии не прошли проверку временем. Повсюду – от посткоммунистического мира до военных диктатур Африки и слабеющих обанкротившихся государств всеобщего благосостояния Европы и Северной и Южной Америки – мы наблюдаем последствия провала принуждения и эта-

тизма. В то же время мы видим подвижки в направлении либертарианских решений: конституционное правительство в Восточной Европе и Южной Африке, приватизация в Британии и Латинской Америке, демократия и власть закона в Корее и на Тайване и повсеместные требования о снижении налогов. Мы даже видим, что люди во многих частях мира – в Квебеке, Хорватии, Боснии, на севере Италии, в Шотландии и в большей части Африки, не говоря уже о пятнадцати новых республиках бывшего СССР, – бросают вызов своим большим, назойливым и закосневшим национальным государствам и требуют автономии. Либертарианство предлагает альтернативу принуждающему государству, что должно повсеместно найти отклик у миролюбивых людей, занимающихся производительной деятельностью.

Нет, либертарианский мир не станет идеальным. Все равно будут существовать неравенство, бедность, преступность, коррупция, негуманное отношение человека к человеку. Но в отличие от теократических пророков, фантазеров-утопистов социалистического толка или мечтательных патерналистов Нового курса и Великого общества⁷ либертарианцы и

⁷ *Новый курс* – система мероприятий администрации президента Ф. Рузвельта в 1933–1939 гг., направленная на смягчение депрессии посредством государственного вмешательства в экономику, но фактически только усугубившая ее. Сочетала меры по усилению государственного регулирования экономики с реформами в социальной области. Новый курс в корне изменил принципы социальной политики и отношение общественности к роли федерального правительства. В 1933 г. были приняты Закон о восстановлении национальной промышленности (National Industrial Recovery Act – NIRA) и Закон о регулировании сельско-

не обещают райских куш. Карл Поппер однажды сказал, что попытки создать рай на земле неизбежно приводят к созданию преисподней. Либертарианство стремится не к идеальному обществу, а к более совершенному и более свободному обществу. Оно обещает мир, в котором больше решений будет приниматься правильным образом правильными людьми – вами. Это не приведет к полному исчезновению преступности, бедности и неравенства, но в значительной степени снимет остроту этих проблем.

го хозяйства (Agricultural Adjustment Act – AAA). NIRA предусматривал введение в различных отраслях «правил честной конкуренции», которые фиксировали цены на продукцию, объем производства, распределяли рынки сбыта и т. д. AAA предусматривал подъем цен на сельскохозяйственные продукты и выдачу с этой целью фермерам премий за сокращение посевной площади и поголовья скота. В 1935 г. были приняты Национальный закон о трудовых отношениях (National Labor Relation Act), закреплявший первоначально зафиксированное в п. 7а NIRA право рабочих на объединение в профсоюзы, первый в истории США Закон о социальном страховании (Social Security Act), Закон о справедливых условиях труда (Fair Labor Standards Act), установивший минимальную заработную плату и ограничивший максимальную продолжительность рабочего дня для некоторых категорий занятых. Позже Верховный суд США признал неконституционными два основных закона Нового курса – NIRA (1935) и AAA (1936). **Великое общество** – политическая программа президента Линдона Джонсона (1908–1973; презид. 1963–1969); включала в себя войну с бедностью, развитие социального законодательства, программу «Медикэр», федеральную помощь образованию и культуре, создание Министерства жилищного строительства и городского развития.

2

Корни либертарианства

В известном смысле можно утверждать, что история знает только две политические философии: свобода и власть. Либо люди свободны жить своей жизнью, так, как считают нужным, если они уважают равные права других, либо одни люди будут иметь возможность заставлять других поступать так, как в противном случае те бы не поступили. Нет ничего удивительного в том, что власть имущих всегда больше привлекала философия власти. У нее было много названий: цезаризм, восточный деспотизм, теократия, социализм, фашизм, коммунизм, монархия, уджамаа⁸, государство всеобщего благосостояния, — и аргументы в пользу каждой из этих систем были достаточно разнообразными, чтобы скрыть схожесть сути. Философия свободы также появлялась под разными названиями, но ее защитников связывала общая нить: уважение к отдельному человеку, уверенность в способности простых людей принимать мудрые решения относительно собственной жизни и неприятие тех, кто готов прибегнуть к насилию, чтобы получить желаемое.

⁸ *уджамаа* — кооперативная экономика, африканский социализм — соединение понятия модернизации и развития в русле немарксистского социалистического учения с преобладанием элементов крестьянского утопического социализма.

Возможно, первым известным либертарианцем был живший примерно в VI в. до н. э. китайский философ Лао-Цзы, известный как автор сочинения «Дао Дэ Цзин. Книга о Пути и Силе». Лао-Цзы учил: «Народ, не получив ни от кого приказа, сам меж собою уравнивается». Дао – классическая формулировка духовного спокойствия, связанного с восточной философией. Дао состоит из инь и ян, т. е. представляет собой единство противоположностей. Это понятие предвосхищает теорию стихийного порядка, подразумевая, что гармония может быть достигнута в результате конкуренции. Оно также рекомендует правителю не вмешиваться в жизнь людей.

И все же мы говорим, что либертарианство возникло на Западе. Делает ли это его исключительно западной идеей? Я так не думаю. Принципы свободы и прав личности столь же универсальны, как законы природы, большинство которых было открыто на Западе.

Предыстория либертарианства

Существуют две основные традиции западной мысли – греческая и иудейско-христианская, и обе они внесли свой вклад в развитие свободы. Согласно Ветхому Завету, народ Израиля жил без царя или какой-либо иной принудительной власти, руководство осуществлялось не насилием, а всеобщей приверженностью людей договору с Богом. Затем, как записано в Первой книге Царств, евреи пришли к Самуилу и сказали: «Поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов». Но когда Самуил попросил Бога исполнить их просьбу, Бог ответил: «Вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет и приставит к колесницам своим... и дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы; и поля ваши и виноградники и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим... и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть... от мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами; и восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда».

Хотя народ Израиля проигнорировал это страшное предупреждение и создал монархию, эта история служит постоянным напоминанием о том, что истоки государства ни в ко-

ем случае не имеют божественного происхождения. Предупреждение Бога относилось не только к древнему Израилю, оно сохраняет свое значение и в наши дни. Томас Пейн привел его в работе «Здравый смысл», чтобы напомнить американцам, что «характер немногих добрых царей», правивших за 3000 лет со времен Самуила, «не способен освятить это звание и загладить греховность... происхождения» монархии. Великий историк свободы лорд Актон иногда ссылался на «принципиально важное возражение» Самуила, предполагая, что всем британским читателям XIX в. понятно, о чем идет речь.

Хотя евреи и получили царя, они, возможно, были первым народом, развившим идею о том, что царь подчиняется высшему закону. В других цивилизациях законом был *сам* царь, как правило, ввиду приписываемой ему божественной природы. Однако евреи говорили египетскому фараону и своим собственным царям, что царь тем не менее всего лишь человек, а все люди подсудны Божьему закону.

Естественное право

Аналогичная концепция высшего закона развивалась в Древней Греции. В V в. до новой эры драматург Софокл рассказал историю об Антигоне, чей брат Полиник напал на город Фивы и был убит в бою. За эту измену тиран Креонт приказал оставить его тело гнить за воротами, непогребен-

ным и неоплаканным. Антигона бросила вызов Креонту и похоронила брата. Представ перед Креонтом, она заявила, что закон, установленный человеком, пусть даже он и царь, не может нарушать «закон богов, неписанный, но прочный»: «Ведь не вчера был создан тот закон. Когда явился он, никто не знает»⁹.

Идея закона, которому подсудны даже правители, выдержала испытание временем и развивалась на протяжении всей европейской цивилизации. В Древнем Риме она получила развитие в философии стоиков, которые утверждали, что даже если правителем считается народ, он все равно может делать только то, что считается справедливым согласно естественному праву. Тот факт, что эта идея стоиков была пронесена сквозь тысячелетия и сохранила свое влияние на умы европейцев, частично можно объяснить счастливой случайностью: один из представителей стоицизма, знаменитый римский оратор Цицерон, считался величайшим автором латинской прозы, поэтому на протяжении многих столетий образованные люди на Западе заучивали его тексты наизусть.

⁹ Ни одна трагедия Софокла не встречала со стороны афинской публики такого восторженного приема, как «*Антигона*»; за нее соотечественники почтили автора беспримерной наградой, назначив его полководцем в самосской войне вместе с Периклом. Про «Антигону» не раз говорили, что в поэзии она играет ту же роль, что Сократ – в прозе: он в истории изображает тот же тип мученика за правду, как она в вымысле. Вина обоих заключалась в том, что законы божьи они считали выше человеческих. Приказы земных властей, приговоры земных судей они считали ниже законов неписанных, не провозглашенных публично, но начертанных в сердце каждого.

Спустя примерно семьдесят лет после смерти Цицерона в ответ на вопрос, нужно ли платить налоги, Иисус дал знаменитый ответ: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Сказав так, Он разделил мир на два царства, ясно давая понять, что не вся жизнь подконтрольна государству. Эта радикальная идея укоренилась в западном христианстве, но не в восточной церкви, полностью подконтрольной государству, что не оставляло места для общества, где могли развиваться альтернативные источники власти.

Плюрализм

Независимость западной церкви, которая стала известна как римско-католическая, означала существование в Европе двух влиятельных институтов, соперничавших за власть. Ни государству, ни церкви сложившаяся ситуация особо не нравилась, но именно благодаря разделению власти между ними возникла возможность для развития свободы личности и гражданского общества. Папы и императоры часто свергали друг друга, что способствовало делегитимизации и тех и других. Этот конфликт между церковью и государством уникален в мировой истории, что помогает объяснить, почему принципы свободы впервые появились на Западе.

В IV в. н. э. императрица Юстина приказала епископу Милана св. Амвросию передать его кафедральный собор империи. Амвросий достойно возразил императрице: «По закону

ни мы не можем передать его вам, ни Ваше Величество не может принять его. Ни один закон не позволяет вторгнуться в дом частного человека. Не полагаете ли вы, что можно отобрать дом Бога? Установлено, что для императора законно всё, что всё принадлежит ему. Но не обременяйте вашу совесть мыслью о том, что, как император, вы имеете какие-то права на святыни. Не возвышайте себя, но, раз уж правите, будьте покорны Богу. Написано: Божие Богу, кесарю кесарево».

Императрица была вынуждена пойти в храм Амвросия и просить прощения за свой поступок¹⁰.

¹⁰ *Императрица Юстина*, мать Валентиниана Младшего, была убежденной и страстной арианкой. Она окружила себя арианским духовенством, арианскими министрами и арианскими телохранителями-готами. С крайним неудовольствием смотрела она на постепенное исчезновение арианства в Италии под влиянием учения великого епископа Медиоланского. При жизни Грациана, который любил Амвросия как отца, императрица не осмеливалась действовать в открытую. Но по смерти его, став регентшей при царственном мальчике, она сочла себя вправе потребовать для арианства некоторых привилегий. В 385 г. Юстина повелела, чтобы знаменитая привратная базилика, находившаяся вне городских стен Милана, была отдана арианам. Амвросий спокойно, но решительно отказал в этом требовании и отклонил даже обсуждение его в консистории. Между тем молва о велении императрицы породила сильные волнения в народе, для подавления которых потребовался весь авторитет архиепископа, так как народ считал церковь своей защитой против тирании гражданской власти. Это длилось на протяжении 385–386 гг. Сторонники императрицы понимали, что им не добиться своего, иначе как решительно расправившись с Амвросием. По пути в церковь и к гробницам мучеников он ежедневно проходил мимо дворца, но никто не осмелился поднять на него руку. Наконец Юстина передала архиепископу через своего посланника, чтобы он покинул город, прибавив, что он волен идти, куда пожелает. Амвросий отказался оставить свою паству. Конец этой истории положила

Спустя столетия подобное повторилось в Англии. Архиепископ Кентерберийский Томас Бекет¹¹ защищал права

угроза вторжения в Италию самозванца Максима, провозглашенного британскими солдатами императором. Однажды, еще до описываемых событий, Амвросий смог убедить узурпатора не нападать на Италию, и теперь Юстина вновь была вынуждена обратиться к архиепископу с просьбой выступить парламентаром. Однако на этот раз Максим все же двинул свое войско к Альпам, и императрице с сыном Валентинианом пришлось бежать под защиту императора Феодосия в Фессалоники. Феодосий (ок. 346–395) ранее предостерегал Юстину касательно губительных последствий ее увлечения арианством и принимал провозглашенные Амвросием принципы: признание независимости церкви от государства в ее собственной сфере, признание роли церкви как блюстительницы нравственности и ее права на защиту со стороны государства.

¹¹ В правление английского короля Генриха II Бекет был государственным канцлером, верным слугой короля, а в 1162 г. Генрих сделал его архиепископом Кентерберийским, возглавляющим церковь королевства. На исходе года Бекет отослал королю канцлерские печати в знак отставки со светского поста. Это завершило то, что некоторые называли «обращением»: став главой Английской церкви, Бекет резко изменился. Раньше он был обходительным придворным, принимал участие в королевских охотах, теперь же начал умерщвлять плоть и подвергать себя бичеванию (это обнаружили лишь после его смерти). Бекет стал заниматься благотворительностью, чего прежде за ним не водилось, много молился и вел духовные беседы со своими образованными и ратовавшими за обновление церкви клириками. Вряд ли только назначение было этому причиной. Ведь Томас не был светским человеком: он учился богословию во Франции и Англии, носил титул архидиакона. Но если раньше он служил королю, то теперь – Отцу Небесному. Защищать права церкви Бекету пришлось на юридической почве. Генрих II пытался добиться его подписи под указами, которые превращали Английскую церковь в королевскую вотчину. Только с разрешения короля, к примеру, епископ мог съездить в Рим. Запрещалось отлучать от церкви членов королевской семьи, что бы они ни совершали. Бекет предложил компромиссное решение: пусть указы действуют, но подписывать их, закрепляя беззаконие, он не станет. В 1164 г. Бекет был осужден королевским судом. Ему удалось бежать во Францию благодаря помощи народа и священников. Епископы же предали Бе-

церкви от посягательств Генриха II. Король открыто объявил о своем желании избавиться от «этого назойливого попа», и четыре рыцаря отправились убить Бекета. Через четыре года Бекет был причислен к лику святых, а Генрих II в наказание за свое преступление должен был босым прийти в храм убитого по его приказу Бекета и поклясться впредь не посягать на права церкви.

Борьба между церковью и государством препятствовала

кета, подписав все, что приказал им король, и были отлучены Бекетом от Церкви. В декабре 1170 г. Генриху II из политических соображений пришлось дать Бекету разрешение вернуться. Народ встретил его с триумфом. Епископы обжаловали свое отлучение папе и отказались принести Бекету присягу как митрополиту. Король повелел Бекету не покидать пределы его епископства и как-то публично обмолвился: «Неужели никто не избавит меня от этого несносного попа?» В полдень 29 декабря 1170 г. четверо рыцарей, приближенных Генриха, вошли во дворец архиепископа. Бекет беседовал с клириками. Придворные начали обвинять его в том, что он отлучил королевских советников без согласия короля, ссора продолжалась несколько часов. Настало время вечернего богослужения; Бекет пошел в собор, где собирались монахи, а рыцари отправились домой за оружием. Бекету посоветовали запереть двери, но он отказался. Архиепископ и его свита были в северном приделе у алтаря, посвященного святому Бенедикту, когда вернувшиеся рыцари попытались выгнать архиепископа из храма, явно не желая убивать его в священном месте. Бекет прислонился спиной к огромной колонне, поддерживавшей хоры. Рыцари вновь затеяли бесполезный спор о том, что Бекет напрасно отлучил архиереев и должен их простить. «Я смогу их простить, – ответил Томас, – если они покаются». – «Тогда ты умрешь», – сказал кто-то из четверых. «Я готов умереть за моего Бога, если благодаря этому церкви вернут свободу и мир». При неверном свете факелов рыцари зарубили его и бежали. Только после этого монахи решились приблизиться. Они бережно собрали кровь Бекета и похоронили его в мраморной гробнице (Butler J. The Quest for Becket's Bones: The Mystery of the Relics of St. Thomas Becket of Canterbury. New Haven: Yale UP, 1995. P. 180. www.krotov.org).

возникновению абсолютной власти, что позволило развиваться автономным институтам [гражданского общества], а отсутствие абсолютной власти у церкви способствовало бурному развитию диссидентских религиозных воззрений. Рынки и ассоциации, отношения, построенные на клятвах, гильдии, университеты и города с собственными уставами – все это помогло развитию плюрализма и гражданского общества.

Веротерпимость

Чаще всего либертарианство рассматривается как философия главным образом экономической свободы, но своими историческими корнями оно в большей степени связано с борьбой за религиозную терпимость. Ранние христиане начали развивать теории веротерпимости в ответ на преследования со стороны римского государства. Одним из первых был карфагенянин Тертуллиан, известный как «отец латинской теологии», который примерно в 200 г. н. э. писал: «Фундаментальное право человека, привилегия природы, чтобы каждый поклонялся согласно своим собственным убеждениям. Религия одного человека не может ни навредить, ни помочь другому человеку. Несомненно, что принуждение к религии не является частью религии, к которой нас должна вести добрая воля, а не сила».

Аргументы в пользу свободы уже здесь формулируются в виде фундаментальных или естественных прав.

Рост торговли, числа различных религиозных течений и гражданского общества означал, что внутри каждого общества существовало много источников влияния, и плюрализм требовал формального ограничения правительства. В течение одного замечательного десятилетия в трех отстоящих далеко друг от друга частях Европы были сделаны важные шаги к ограниченному представительному правительству. Наиболее известный, по крайней мере в США, шаг был сделан в Англии в 1215 г., когда на Руннимедском лугу восставшие бароны заставили короля Иоанна Безземельного подписать Великую хартию вольностей, которая гарантировала каждому свободному человеку защиту от незаконного посягательства на его личность или имущество и справедливость для каждого. Возможности короля по сбору податей ограничивались, для церкви устанавливалась свобода выборов на духовные должности, были подтверждены свободы городов.

Примерно в то же самое время, около 1220 г., в германском городе Магдебурге был разработан свод законов, основанный на свободе и самоуправлении. Магдебургское право признавалось столь широко, что его приняли сотни вновь образованных городов по всей Центральной Европе и судебные решения в некоторых городах Центральной и Восточной Европы ссылались на решения магдебургских судей. Наконец, в 1222 г. вассальное и мелкопоместное дворянство Венгрии – в то время во многом являвшееся частью европейского дворянства – заставило короля Эндре II подписать Золотую бул-

ду, которая освобождала среднее и мелкое дворянство и духовенство от налогообложения, даровала им свободу распоряжаться собственностью по своему усмотрению, защищала от произвольного ареста и конфискаций, учреждала ежегодную ассамблею для представления жалоб и даже давала им *Jus Resistendi* – право оказывать сопротивление королю, если он нарушал свободы и привилегии, установленные в Золотой булле¹².

¹² Начало своего правления Эндре II ознаменовал политикой, проводимой в отношении крупных феодалов и их владений, которую он сам называл «новым порядком». Со времени создания Венгерского государства материальную основу королевской власти составляли крупные землевладения, дававшие двору огромные доходы. Эндре II роздал часть этих владений своим верноподданным, главным образом свите жены, немки Гертруды, и ее родственникам. В результате доходы значительно сократились. Восполнить дефицит король попытался за счет других источников, в том числе сдачи в аренду права на торговлю солью и добычу цветных металлов. Успеха это не принесло. Эндре II постоянно приходилось бороться с нехваткой денег, тем более что огромные средства пожирали бесчисленные войны короля, особенно те, что велись с целью завоевания богатейшего Галицко-Волынского княжества на юге Древней Руси, и крестовые походы в Иерусалим. Войны эти стабильных результатов не имели, поэтому неудивительно, что в Венгрии не осталось ни одного слоя населения, интересы которого не были бы ущемлены. Вследствие новой политики Эндре II очень скоро сформировалась мощная оппозиция королю, о чем свидетельствует и совершенное под руководством Бано Банко в 1213 г. покушение на жизнь Гертруды, имевшей огромное влияние на мужа. Противники политики, проводимой Эндре II, сгруппировались вокруг наследника престола, князя Белого, не согласного с нововведениями отца. В 1222 г. был осуществлен настоящий заговор, чужеземцев изгнали, а король вынужден был издать Золотую буллу. Золотой буллой поначалу называлась печать, удостоверяющая королевскую грамоту. Позднее так стал именоваться сам документ. К этому времени в Венгрии сложился сильный многонациональный слой дворянства, которое в случае притеснения со стороны крупных магнатов,

Принципы, лежащие в основе этих документов, далеки от последовательного либертарианства: гарантируемая ими свобода не распространялась на большие группы людей, а Великая хартия вольностей и Золотая булла открыто дискриминировали евреев. Тем не менее эти документы стали важными вехами на пути неуклонного продвижения к свободе, к ограниченному правительству и распространению концепции личности на всех людей. Они продемонстрировали, что люди по всей Европе думали об идеях свободы, и создали классы людей, настроенных свои свободы защищать.

Позже, в XIII в., св. Фома Аквинский, возможно величайший католический теолог, и другие философы развили теологические доводы в пользу ограничения королевской власти. Аквинат писал: «Король, который злоупотребляет своими полномочиями, утрачивает право требовать повинове-

подчинивших себе отдельные территории, могло рассчитывать на поддержку короля. Это дворянство и потребовало узаконить его права, что король выполнил в Золотой булле. Прекрасно вооруженное дворянство, на которое ложилось основное бремя воинских повинностей, освобождалось от уплаты податей. За ним сохранялась единственная обязанность – защищать страну от внешних врагов. Получили дворяне и право на свободное волеизъявление перед кончиной, и прочие права. Остальные пункты документа были продиктованы горьким опытом правления Эндре II. Ограничивались права иноземцев в ношении определенных званий и титулов, а также право предоставления им земельных владений. Эти меры должны были предотвратить дальнейший упадок королевской власти. Привилегии дворян, сформулированные в Золотой булле, не имел права нарушать даже король. Особенно знаменитым стал 31-й параграф, так называемое Приложение о сопротивлении, дававший дворянам право выступать против короля, если он нарушит положения Золотой буллы. Документ оставался в силе вплоть до 1687 г.

ния. Это не мятеж, не призыв к его свержению, поскольку король сам является мятежником, которого народ имеет право усмирить. Однако лучше сократить его власть, дабы он не мог злоупотреблять ею». Тем самым идея, что тирана можно свергнуть, получила теологическое обоснование. Английский епископ Иоанн Солсберийский, бывший свидетелем расправы над Бекетом в XII в., и Роджер Бэкон, ученый XIII в., которого лорд Актон назвал самым выдающимся английским автором той эпохи, даже отстаивали право убивать тирана, чего в других частях мира невозможно представить.

Испанские схоласты XVI в., объединяемые в так называемую Саламанкскую школу, развили учение Аквината в области теологии, естественного права и экономической науки. Они предвосхитили многие темы, которые позже можно будет обнаружить в трудах Адама Смита и австрийской школы. С кафедры университета города Саламанки Франциско де Витория осудил порабощение испанцами индейцев в Новом Свете с точки зрения индивидуализма и естественных прав: «Каждый индеец – человек и, таким образом, способен обрести спасение или вечные муки... А поскольку он человек, каждый индеец имеет свободу воли и, следовательно, является хозяином своих действий. <...> Каждый человек имеет право на свою собственную жизнь, а также на физическую и духовную неприкосновенность». Витория и его коллеги развили доктрину естественного права в таких областях, как частная собственность, прибыль, проценты и на-

логообложение; их труды оказали влияние на Гуго Гроция, Самуэля Пуфендорфа, а через них – на Адама Смита и его шотландских коллег.

Предыстория либертарианства достигла кульминации в период Ренессанса и протестантской Реформации. Повторное открытие классического учения и гуманизма в эпоху Ренессанса обычно считается приходом современного мира на смену Средневековью. Со всей страстью романиста Айн Рэнд высказалась о Ренессансе как о рационалистической, индивидуалистической и светской разновидности либерализма: «Средние века были эпохой мистицизма, слепой веры и покорности догме о превосходстве веры над разумом. Ренессанс стал *возрождением разума*, освобождением человеческого ума, победой рациональности над мистицизмом – нерешительной, неокончательной, но пылкой победой, которая привела к рождению науки, индивидуализма, свободы».

Историк Ральф Райко, однако, утверждает, что роль Ренессанса как прародины либерализма переоценивается; средневековые хартии о правах и независимые юридические институты давали больше простора для свободы, чем прометеевский индивидуализм Ренессанса.

Более значительна в истории развития либеральных идей роль Реформации. Протестантских реформаторов Мартина Лютера и Жана Кальвина никак нельзя назвать либералами. Однако, разрушив монополию католической церкви, они непреднамеренно способствовали распространению протестан-

стантских сект, некоторые из которых, например квакеры и баптисты¹³, внесли важный вклад в развитие либеральной мысли. После религиозных войн люди стали сомневаться в том, что общество должно иметь только одну религию. Прежде считалось, что в отсутствие единой религиозной и моральной власти в обществе начнут бесконтрольно множиться моральные убеждения и оно в буквальном смысле распадется. Эта глубоко консервативная идея имеет долгую историю. Ее корни восходят по меньшей мере к Платону, утверждавшему, что в идеальном обществе необходимо регулировать даже музыку. В наше время эту идею поднял на щит социалист Роберт Хейлбронер, писавший, что социализм требует наличия сознательно принятой коллективной нравственной цели, «для которой каждый несогласный голос несет угрозу». Она также проглядывает в словах жителей городка Кэтлетт, штат Виргиния, поделившихся с «Washington Post» своими опасениями, когда в их небольшом городке

¹³ **квакеры** – члены религиозной христианской общины, основанной в Англии в 1647 г. Дж. Фоксом, проповедовавшим мистическое учение о «внутреннем свете». Из-за преследований в 1760-х гг. многие квакеры эмигрировали в Америку. **баптисты** – христианская протестантская конфессия. Состоит из автономных конгрегаций. Баптисты считают, что истинная Церковь – это верующие, которым не нужна церковная иерархия, выступают с требованием отделения церкви от государства. Баптисты в целом не имеют религиозной догмы, идеологическую основу своего движения находят в Евангелии. Для них характерны строгие моральные принципы, запрет на курение табака и употребление спиртных напитков. США являются основным мировым центром распространения этой конфессии и ее второй родиной (после Англии).

был построен буддистский храм: «Мы верим в единого истинного Бога и боимся этой ложной религии, она может плохо повлиять на наших детей». К счастью, после Реформации большинство людей заметило, что наличие в обществе различных религиозных и нравственных взглядов *не* привело к его распаду. Напротив, разнообразие и конкуренция сделали общество сильнее.

Сопротивление абсолютизму

К концу XVI в. церковь, ослабленная внутренним разложением и Реформацией, нуждалась в поддержке государства больше, чем государство нуждалось в церкви. Слабость церкви способствовала росту королевского абсолютизма, что особенно хорошо видно на примере правления Людовика XIV во Франции и королей из династии Стюартов в Англии. Монархи начали создавать собственную бюрократию, вводить новые налоги, основывать регулярные армии и требовать для себя все больше власти. По аналогии с идеями Коперника, доказавшего, что планеты вращаются вокруг Солнца, Людовик XIV, будучи центром жизни во Франции, называл себя королем-солнцем. Его заявление: «Государство – это я» – вошло в историю. Он запретил протестантство и попытался стать главой католической церкви во Франции. За свое почти семидесятилетнее правление он ни разу не созвал сессию Генеральных штатов – представительного собрания

Франции. Его министр финансов проводил политику меркантилизма, в соответствии с которой государство контролировало, планировало и направляло экономику, предоставляя субсидии и монопольные привилегии, вводя запреты и национализируя предприятия, устанавливая ставки заработной платы, цены и стандарты качества.

В Англии короли династии Стюартов также стремились установить абсолютистское правление. Они пытались игнорировать общее право и повышать налоги без одобрения Парламента – представительного собрания Англии. Однако в Англии гражданское общество и влияние парламента оказались намного устойчивее, чем на континенте, и абсолютистские поползновения Стюартов сдерживались на протяжении сорока лет с момента вступления на престол Якова I. Кульминацией сопротивления абсолютизму стала казнь в 1649 г. сына Якова Карла I.

В то время как во Франции и Испании укоренялся абсолютизм, путеводной звездой религиозной терпимости, свободы коммерции и ограниченного центрального правительства стали Нидерланды. Получив в начале XVII в. независимость от Испании, Нидерланды создали конфедерацию городов и провинций, став ведущей торговой державой столетия и приютом для бежавших от притеснений. Английские и французские диссиденты часто издавали свои книги и памфлеты в голландских городах. Один из таких беженцев, философ Бенедикт Спиноза, родители-евреи которого бежали

из Португалии от преследований со стороны католиков, описал в своем «Богословско-политическом трактате» счастливое взаимодействие религиозной терпимости и процветания в Амстердаме XVII в.: «Примером может служить город Амстердам, пожинающий, к своему великому успеху и на удивление всех наций, плоды этой свободы; ведь в этой цветущей республике и великолепном городе все, к какой бы нации или секте они ни принадлежали, живут в величайшем согласии, и, чтобы доверить кому-нибудь свое имущество, стараются узнать только о том, богатый он человек или бедный и привык ли он поступать добросовестно или мошеннически. Впрочем, религия или секта нисколько их не волнуют, поскольку перед судьей они нисколько не помогают выиграть или проиграть тяжбу, и нет решительно никакой столь ненавистной секты, последователи которой (лишь бы они никому не вредили, воздавали каждому свое и жили честно) не находили бы покровительства в общественном авторитете и помощи начальства».

Голландский пример социальной гармонии и экономического прогресса вдохновлял протолибералов в Англии и других странах.

Английская революция

В Англии сопротивление королевскому абсолютизму вызвало сильное интеллектуальное брожение, и первые ростки отчетливо протолиберальных идей можно увидеть в Англии XVII в., и здесь либеральные идеи развивались в ходе отстаивания религиозной терпимости. В 1644 г. Джон Мильтон опубликовал эссе «Ареопагитика» – яркое выступление в защиту свободы религии и против официального лицензирования прессы. О связи между свободой и добродетелью – вопрос, который беспокоит американских политиков по сей день, – Мильтон писал: «Свобода – лучшая школа добродетели». Добродетель, говорил он, только тогда добродетельна, когда выбирается свободно. О свободе слова он высказался так: «Кто знает хотя бы один случай, когда бы истина была побеждена в свободной и открытой борьбе?»

В междоусобицу, после казни Карла I, когда престол был пуст и Англия находилась под властью Оливера Кромвеля, шли бурные интеллектуальные дебаты. Левеллеры провозгласили полный набор идей, которые стали известны как либерализм. Они поместили защиту религиозной свободы и древние права англичан в контекст идеи самопринадлежности человека и естественных прав. В знаменитом памфлете «Стрела, направленная против всех тиранов» один из лидеров левеллеров Ричард Овертон заявил, что каждый чело-

век «владеет самим собой», т. е. каждый имеет право собственности на самого себя и, таким образом, имеет право на жизнь, свободу и собственность. «Никто не имеет власти над моими правами и свободой, и я не имею этой власти над правами и свободой других».

Несмотря на усилия левеллеров и других радикалов, в 1660 г. династия Стюартов вернулась на трон в лице Карла II. Карл пообещал уважать свободу совести и права землевладельцев, но он и его брат Яков II снова попытались расширить королевскую власть. Во время Славной революции 1688 г. парламент предложил корону голландскому штатгальтеру Вильгельму II и его жене Марии, дочери Якова II (оба внуки Карла I). Вильгельм и Мария согласились уважать «истинные, древние и бесспорные права» англичан, изложенные в Билле о правах 1689 г.

Эпоху Славной революции можно назвать временем рождения либерализма. Первым настоящим либералом и отцом современной политической философии по праву считается Джон Локк. Не познакомившись с идеями Локка, невозможно понять мир, в котором мы живем. Великий труд Локка «Второй трактат о правлении», опубликованный в 1690 г., был написан несколькими годами ранее в опровержение абсолютистских идей философа Роберта Филмера и в защиту прав личности и представительного правления. Локк задается вопросом, в чем суть правительства и зачем оно нужно. Он убежден, что люди наделены правами независимо от

существования правительства – именно поэтому мы называем их естественными правами, коли они существуют от природы. Люди создают правительство для защиты своих прав. Они могли бы делать это сами, но правительство является эффективной системой защиты прав. Однако, если правительство выходит за рамки этой роли, люди имеют право на восстание. Представительное правительство – лучший способ удержать его на нужном для общества пути. В согласии с философской традицией, складывавшейся на Западе на протяжении столетий, он писал: «Правительство не вольно поступать, как ему вздумается... Закон природы выступает как вечное руководство для всех людей, для законодателей в такой же степени, как и для других». Локк столь же ясно сформулировал идею прав на собственность: «Каждый человек обладает некоторой *собственностью*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.